

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/73/10

К.Ю. Зубков

КАК МИНИСТР П.А. ВАЛУЕВ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОВАЛ А.Ф. ПИСЕМСКОМУ: ЦЕНЗУРА, ЖУРНАЛИСТИКА И «ПОЛИТИЧЕСКИЙ РОМАН» В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1860-х гг.¹

Рассматриваются попытки российской цензуры 1860-х гг. оказывать покровительство некоторым авторам и изданиям. В качестве материала анализируется история издания и переиздания романа «Взбаламученное море». Привлекаются как опубликованные источники, так и ранее неизвестные архивные материалы. Показано, что патронаж был реакцией на радикализацию русской периодики этого периода и что цензура вскоре убедилась в неэффективности таких отношений с писателями.

Ключевые слова: А.Ф. Писемский, П.А. Валуев, М.Н. Катков, цензура, «Русский вестник», толстый журнал, история романа, институты литературы, патронаж

В январе 1867 г. в Петербургском цензурном комитете рассматривалось несколько курьезное дело об известном писателе, заставлявшем цензоров рассмотреть свою не подлежащую цензуре книгу. Писателем этим был А.Ф. Писемский, а книгой – роман «Взбаламученное море», который переиздавался в составе 4-го тома Сочинений Писемского, издаваемых Ф.Т. Стелловским. Сам по себе этот эпизод не очень значителен и может быть объяснен исключительно мнительностью писателя, который едва ли чувствовал себя комфортно в месяцы, последовавшие после покушения Д.В. Каракозова на императора и закрытия «Современника» и «Русского слова». Однако если учесть своеобразную предысторию романа Писемского, то интересующий нас случай проливает свет не только на своеобразную цензурную историю этого произведения, но и на специфические взаимоотношения литераторов и цензоров в 1860-е гг., когда Писемский, недовольный господством «нигилизма» в журналистике, при поддержке министра внутренних дел пытался перестроить институциональную организацию литературы и ее отношения с государством.

Анализируя ранее не рассматривавшуюся исследователями цензурную историю романа Писемского, мы попытаемся на ее материале поставить более общую проблему, связанную с попытками цензуры Министерства внутренних дел оказывать покровительство тем литераторам, которых сотрудники этого ведомства воспринимали как своих потенциальных сто-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект 19-012-00410).

ронников. В научной литературе такие явления рассматривались в связи с изменением в первое десятилетие царствования Александра II государственной политики, которая предполагала уже не только запреты «неблагонадежных» изданий и произведений, но и поддержку (в том числе финансовую) проправительственной прессы (см., например: [1]). Методологической основой для нашего исследования станут современные работы, посвященные социальным функциям цензуры (см., например: [2]). На материале истории издания и переиздания «Взбаламученного моря» попытаемся перенести акцент на другую сторону проблемы – нас будет интересовать, какие тенденции в развитии общественной жизни и литературы могли способствовать тому, чтобы писатели испытывали нужду в покровительстве цензоров, а министр П.А. Валуев стремился его оказывать. В частности, мы рассмотрим, почему Писемский-романист совпадал с Валуевым-публицистом в осмыслении некоторых значимых событий недавней истории.

Писемский и Валуев об эпохе реформ и нигилизме

Впервые «Взбаламученное море» было опубликовано в 1863 г. на страницах катковского «Русского вестника» и в том же году вышло отдельным изданием в университетской типографии, которую также контролировал Катков. Это произошло вскоре после двух важных событий: во-первых, после скандальной истории с участием самого Писемского и журналистов, а во-вторых, после передачи цензуры из ведомства Министерства народного просвещения в ведомство Министерства внутренних дел, которое возглавлял Валуев.

У автора «Взбаламученного моря» были веские причины плохо относиться к столичной журналистике. В 1861–1862 гг. на страницах редактируемого Писемским журнала «Библиотека для чтения» вышло несколько фельетонов, в которых в издевательском тоне изображалась российская общественная жизнь. Позиция Писемского – автора фельетонов и редактора журнала – не совпадала с позицией субъекта повествования в этих фельетонах (они написаны от лица явно условных персонажей – статского советника Салатушки и «старой фельетонной клячи» Никиты Безрылова). Тем не менее сама возможность публикации в серьезном журнале таких произведений привела к резким выступлениям против Писемского на страницах сатирического еженедельника «Искра». Грандиозный публичный скандал, разгоревшийся после этого, едва не привел к дуэли, а разочарованный в современной литературе Писемский, который был вряд ли в восторге, когда большинство литераторов, даже вовсе не любивших «Искру», не поддержали его, отказался от положения редактора и переехал из Петербурга – центра литературной и в особенности журнальной жизни – в Москву [3. С. 92–149; 4. С. 46–57; 5. С. 115–129]. Судя по всему, писатель действительно считал, что современные ему радикально настроенные петербургские журналисты не выражают общественные интересы, а цинично разрушают общественный консенсус, преследуя собственные цели. Так

Писемский резюмировал свой конфликт с «Искрой» в недатированном письме И.С. Тургеневу, видимо написанном в феврале 1862 г.: «Словом, у всех этих мерзавцев видимая стачка, подкуривать куда негодному, по моему, современному молодому и по преимуществу петербургскому поколению и ругать все остальное, а потом, опираясь на подписку, бесчинствовать как только возможно» [6. С. 171]. Таким образом, Писемский мог хорошо относиться к Каткову, но едва ли при этом считал, что сложившаяся система литературных журналов и газет работала хоть сколько-нибудь удовлетворительно.

В противовес радикально-демократической журналистике и испытывавшей ее влияние публике Писемский в своем романе решил обратиться к покровительству правительства и цензуры, тем более что ее новый руководитель Валуев имел к его произведению самое непосредственное отношение. Каким образом «Взбаламученное море» могло прочитываться с точки зрения цензора, до некоторой степени проясняет приведенный ниже отзыв Сватковского, написанный в 1867 г., – единственное дошедшее до нас суждение цензора об этом произведении. Среди достоинств романа цензор отметил разоблачение «нигилистов» и сочувственное изображение автором правительственных реформ. Что касается отношения Писемского к «нигилистам», оно действительно было в целом далеко не одобрительным. Исследователи неоднократно ставили вопрос, насколько «антинигилистическим» был роман Писемского [7], однако так или иначе действия «новых людей» у Писемского представлены как совершенно безуспешные: ни агитация среди купцов, ни радикальная критика института семьи, ни ввоз пропагандистских листовок из Лондона в романе не приводят ни к каким значимым результатам. С точки зрения Каткова, «Взбаламученное море», по всей видимости, выглядело своего рода продолжением опубликованных в «Русском вестнике» годом ранее «Отцов и детей», также направленных против «нигилизма» [8. С. 15]. Аналогичным образом к этому произведению могли относиться и цензоры, которых интересовали скорее не сложные чувства, вызываемые у читателя героем-нигилистом (некоторые из персонажей Писемского могут вызывать не только осуждение, но и сочувствие), а то, насколько роман мог поспособствовать дискредитации тех или иных политических идей. Именно так характеризовал «Отцов и детей» чиновник цензурного ведомства П.И. Капнист, на мнение которого во многом опирался Валуев:

Вопрос о нигилизме, может быть, помимо намерений самого автора, оказался в романе не в симпатичном колорите для способности всеотрицания, и это произвело, между прочим, то, что критики «Современника» и «Русского слова», всегда прежде сходившиеся в воззрениях, выказались в неловком положении и стали противуречить друг другу, что было замечено другими журналами. Спустя не более полугода после появления романа г. Тургенева можно уже заметить принесенную им для общества пользу. Анализ нигилизма привел общество и литературу к сознанию, что это качество есть явление ненормальное, болезненное, и, как против всякой болезни, стали искать средств и против нигилизма... Роман г. Тургенева принес пользу еще и тем, что лишил нигилизм того обаяния,

которое начинал он получать под пером людей с талантом, как, например, Добролюбов [9. Т. 1. С. 67–68].

Второе достоинство романа – поддержку автором реформ – с первого взгляда заметить в романе трудно. Действительно, во «Взбаламученном море» дореформенное общество изображается в очень мрачных тонах – однако и отмена крепостного права представлена как настоящая катастрофа:

На лугах несколько бедных дворян, с стриженными головами и выбритыми лицами, косили.

– Что это, господа, как у вас поля запущены? – сказал он им.

– Не слушаются нынче нас рабы наши, – отвечали ему некоторые из них какими-то дикими голосами.

Около дороги бедная дворянка, с загорелым, безобразным лицом, но в пла-
тьишке, а не сарафане, кормила толстого, безобразного ребенка и, при проезде
Бакланова, как дикарка какая, не сочла даже за нужное прикрыть грудь [10. Т. 4.
С. 222].

По всей видимости, Валуева и его подчиненных больше привлекла не приведенная и ей подобные сцены, а прежде всего один «прореформенный» эпизод, который, как мы увидим, наверняка показался бы близким и самому министру. Речь идет о ключевой для романа главе с выразительным названием «Что-то веет другое!», где дается общая картина рубежа царствований Николая I и Александра II:

Зачем и из-за чего эта война началась — в народе и в обществе никто понять не мог. Впрочем, не особенно и беспокоились: турок мы так привыкли побеждать! Но Европа двинула на нас флоты английский, французский и турецкий!

Хомяков писал в стихах, что это на суд Божий собираются народы.

Несмотря на нечеловеческое самоотвержение войска, стало, однако, сказываться, что мы не совсем военное государство; но зато государство совсем уж без путей сообщения...

<...>

В сентябре 1855 года была напечатана лаконическая депеша из Севастополя: «наши верки страдают»!

Исход дела стал для всех понятен.

Все почувствовали общее, и нельзя сказать, чтобы несправедливое, к самим себе презрение.

«Русский вестник» уже выходил. Щедрин стал печатать свои очерки. По губерниям только пожевывались и пошевеливались и почти со слезами на глазах говорили: «Ей-богу, это ведь он нас учит, а мы и не умели никогда так плутовать!» [10. Т. 4. С. 169].

Этот фрагмент прямо указывает на то, что Писемский понимал события эпохи реформ определенным способом, который, вероятно, воспринимался как проправительственный даже в 1867 г. Дело в том, что Писемский, сочиняя этот отрывок, буквально вдохновлялся идеями Валуева, высказанными, впрочем, несколько раньше, чем тот стал министром. Вначале обратимся к цитируемой Писемским депеше. Эта депеша была послана генералом Д.М. Горчаковым 15 августа 1855 г. и относилась к разрушениям рус-

ских позиций от огня артиллерии противника. В действительности, однако, Горчаков выразился слегка по-другому: «верки наши страдают» [11]¹. Можно было бы подумать, что Писемский просто забыл текст Горчакова, если бы этот текст не приводился именно в такой же форме, как и в его романе, в одном очень известном источнике. Это «Дума русского (во второй половине 1855 года)» П.А. Валуева (тогда еще не министра, а губернатора), где выразились идеи либеральных бюрократов начала царствования Александра Второго, активно распространявшееся в списках неподцензурное произведение, в котором слова Горчакова приводятся именно в той же форме, что в романе [12. С. 349].

Сходство значимого фрагмента романа Писемского и «Думы русского», конечно, не исчерпывается порядком слов в цитате из одной депеши. Как и у Писемского, в ней, например, тоже было в ироническом тоне процитировано стихотворение А.С. Хомякова (у Писемского – «Суд Божий», 1854, у Валуева – «Остров», 1836):

Давно ли пророчествовали, что
Бог отдаст судьбу вселенной,
Гром земли во глас небес...

Что стало с нашими морями? Где громы земные и горняя благодать мысли и слова? Кого поражаем мы? Кто внимает нам? Наши корабли потоплены, сожжены или заперты в наших гаванях! Неприятельские флоты безнаказанно опустошают наши берега! Неприятельские армии безнаказанно попирают нашу землю, занимают наши города, укрепляют их против нас самих и отбивают нас, когда мы усиливаемся вновь овладеть отцовским достоянием! [12. С. 350].

Валуев, как и Писемский, иронично относился к официальным реляциям из Петербурга о состоянии и военной мощи России и, как и Писемский, прямо осуждал, например, состояние путей сообщения:

Оказалось, что в нашем флоте не было тех именно судов, в сухопутной армии того именно оружия, которое требовалось для уравнивания боя; что состояние и вооружение наших береговых крепостей были неудовлетворительны; что у нас недоставало железных и даже шоссейных дорог более, чем где-либо необходимых на тех неизмеримых пространствах, где нам надлежало передвигать наши силы. Европу колебали несколько лет сряду внутренние раздоры и мятежи; мы наслаждались ненарушимым спокойствием. Несмотря на то, где развивались в продолжение этого времени быстрее и последовательно внутренние и внешние силы? [12. С. 353].

Наконец, Валуев описывал печальный конец царствования Николая I как завершение исторической эпохи, плачевное, но необходимое для дальнейшего развития России событие:

Еще недавно Россия оплакивала непритворными слезами кончину того великого государя, который около трети столетия ее охранял, ею правил и ее лю-

---

¹ Благодарим А.А. Пономареву, указавшую нам на эту публикацию.

бил, как она его любила. Преклоняясь пред его могилою, Россия вспоминала великие свойства его и с умилением исповедовала величие кончины его. Эта кончина объяснила, пополнила, увенчала его жизнь. Сильный духом, сильный волею, сильный словом и делом, он умел сохранить эти силы на смертном одре и, обращая с него прощальный взгляд на свое царство, на своих подданных, на родной край и на великую русскую семью, явил себя им еще величественнее и возвышеннее, чем в полном блеске жизненных сил и самодержавной деятельности. Если в этот печальный час грозные тучи повисли над нами, если великие труды великого венценосца не даровали нам тех благ, которые были постоянно целью его деяний, то ему, конечно, предстояли на избранном им пути препятствия, которых далее и его сила, и его воля не могли одолеть [12. С. 353].

В схожем духе, по всей видимости, трактовал историю недавних лет и Писемский: в его глазах реформа далеко не во всем была благом, но была неизбежным последствием периода, за который «все» испытывали «к самим себе презрение». Важной частью событий эпохи реформ Писемский считал изменение общественных функций литературы. В свой нарратив о ключевых исторических событиях в Российской империи писатель включил и возникновение катковского «Русского вестника» – того издания, где был опубликован сам роман. Изменения в области журнальной жизни казались писателю важной составляющей реформ, как и смягчение цензуры, описанное в той же главе словами некоего цензора: «Я прежде в повестях, если один любовник являлся у героини, так заставлял автора непременно женить в конце повести, а теперь, помилуйте, перед героиней торчат трое обожателей, и к концу все разбегаются, как собачонки» [10. Т. 4. С. 169]. Новой литературе, таким образом, нужен был не мелочный контроль над отдельными деталями, а новая цензура, интересующаяся прежде всего авторской позицией в целом. Те же воззрения Писемский прямо высказывал в недатированном письме А.А. Краевскому, отправленном летом 1861 г., где писатель по поводу надвигающейся цензурной реформы предлагал разрешить излагать в печати «все философские системы», включая материализм, и «допустить Сатиру в самых широких размерах», поскольку «мысль может уничтожаться только мыслию, а не квартальными и цензорами» [13. С. 146]. Вероятно, именно такой цензуры Писемский и ожидал от Валуева.

В своем романе Писемский прямо опирался и ссылался на позицию министра внутренних дел и в то же время достаточно прозрачно намекал, что желал некоторых перемен в цензурном ведомстве. Вряд ли писателем двигала исключительно сервильность: дальнейшая история его многочисленных конфликтов с цензурой, особенно с драматической, свидетельствует о том, что он был в целом готов попытаться настоять на своей правоте. Скорее, автор «Взбаламученного моря» действительно разделял идеи Валуева и пытался на их основе репрезентировать недавнее прошлое, превратив неофициальную записку министра в нарративный текст, осмысливавший историю и устанавливавший ее связь с настоящим.

Патронаж в эпоху реформ: «Взбаламученное море» и цензура

Министр был готов помочь публикации романа. «Русский вестник» рассматривался Московским цензурным комитетом, однако никаких упоминаний о романе Писемского в делах комитета отыскать не удалось [14]. Содержание романа было достаточно рискованным: на его страницах встречаются многочисленные эротические сцены, по меньшей мере одно изнасилование, крестьянский бунт против власти помещиков и его жестокое подавление, катастрофические последствия крестьянской реформы и многие другие темы, едва ли приветствовавшиеся цензурой. Между тем роман не был даже вынесен на обсуждение цензурного комитета, не говоря уже о Совете министра внутренних дел по делам книгопечатания. Мог ли цензор самостоятельно одобрить такое рискованное произведение?

Судя по всему, ответ на этот вопрос кроется в другом сохранившемся в архиве документе. 7 октября 1863 г. председатель Московского цензурного комитета М.П. Щербинин обратился к Валуеву с недоуменным письмом на французском языке. Согласно сообщению Щербинина роман Писемского был разрешен для публикации в «Русском вестнике» вовсе не Московским цензурным комитетом, а В.Н. Бекетовым, петербургским цензором. Щербинин вопрошал министра, верить ли заверениям редакции журнала, которая уверяла, что разрешение Бекетова действительно и для отдельного издания [15. Л. 42–42 об.]¹. По всей видимости, Валуев подтвердил мнение Каткова, и роман был разрешен.

Письмо Щербинина в первую очередь интересно тем, что свидетельствует о совершенно ненормальном порядке рассмотрения романа. Согласно цензурному уставу 1828 г., действовавшему до середины 1860-х гг., периодические издания пользовались исключительным правом: чтобы ускорить их выход в свет, цензор мог рассматривать их независимо от комитета; последний был обязан обсуждать только те материалы, которые цензор хотел запретить [16. С. 329, 331]. Соответственно, устав не предусматривал возможности, чтобы какое-либо произведение рассматривалось сотрудником другого цензурного комитета: такое вмешательство со стороны нарушило бы нормальное делопроизводство, а при публикации периодического издания создало бы невозможную задержку на пересылку рукописи из города в город.

Нарушение нормального хода дел, допущенное цензурой в случае публикации романа Писемского, могло быть связано только с волей министра внутренних дел: это ведомство было устроено так, что у разных цензурных комитетов не было общих руководителей, кроме Валуева. Назначение Бекетова на роль цензора свидетельствовало о стремлении министра пропустить «Взбаламученное море». Валуев мог оперативно и конфиденциально давать жившему и служившему в Петербурге, а не в Москве Бекетову распоряжения и разрешать спорные вопросы, но, главное, Бекетов имел репу-

---

¹ Благодарим М.А. Петровских, сверившую текст этого письма.

тацию цензора либерального. Умеренный либерализм занимавшего такую должность человека вызывал в писательских кругах иронию¹, однако Бекетов за свою карьеру действительно принял несколько смелых решений. Так, в 1856 г. он разрешил перепечатку стихотворений Некрасова в «Современнике» и едва не был за это уволен [18], а вскоре после разрешения «Взбаламученного моря» Бекетову все же пришлось уйти в отставку после публикации «Что делать?» Н.Г. Чернышевского [19. С. 783–787]. Интересно, что в 1860 г. он получил взыскание по службе за разрешение статьи «Городская полиция» для журнала «Библиотека для чтения», редактором которого был Писемский [3. С. 63–64]. Таким образом, назначение Бекетова свидетельствовало о стремлении руководства цензуры проявить либерализм – и действительно не сохранилось свидетельств какого бы то ни было вмешательства в публикуемый текст романа.

В случае «Взбаламученного моря» министр совершил поступок с точки зрения цензурного устава сомнительный, к тому же совершенно конфиденциальный: официально вмешательство Бекетова не было обозначено ни в делах Московского цензурного комитета, ни в публикации романа. Очевидно, Валуев был очень заинтересован в публикации романа Писемского, если решил пойти на такие меры. По всей видимости, этот интерес подогревался двумя причинами. В 1863 г. министр внутренних дел был заинтересован в сотрудничестве с Катковым, которое выражалось, в частности, в смягчении цензурных условий для его изданий. Правда, это смягчение преимущественно относилось к политическим публикациям на страницах катковской газеты «Московские ведомости», а не к «Русскому вестнику». Обычно Валуев вел переговоры с Катковым и отдавал распоряжения Щербинину не по официальным каналам (переписку с Катковым он вел не пользуясь даже услугами почты) [20. С. 9–13; 21; 22].

Валуев и сотрудники его ведомства поддерживали автора «Взбаламученного моря» и другими средствами. 2 апреля 1863 г. Писемский читал отрывки из своего романа дома у министра (в своем дневнике тот охарактеризовал роман как «политический») в присутствии большой компании высокопоставленных чиновников, большинство из которых имело непосредственное отношение к цензурному ведомству: председателя Комитета цензуры иностранной Ф.И. Тютчева, председателя Петербургского цензурного комитета В.А. Цеэ, сенатора А.В. Веневитинова, одного из крупных деятелей цензурной реформы Д.А. Оболенского, товарища министра внутренних дел А.Г. Тройницкого и члена Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания И.А. Гончарова [23. Vol. 1. P. 215]. 4 августа 1863 г. Писемский просил Валуева повлиять на театральное начальство, которое отказывалось ставить его драму «Горькая судьбина», причем драматург упомянул «милостивое внимание» со стороны министра, имея в виду, вероятно, именно эти чтения [13. С. 159]. Наконец, 10 января 1864 г. Писемский обратился к Валуеву, послав ему отдельное издание «Взбала-

---

¹ См., напр., издательскую характеристику Бекетова в мемуарах Панаевой [17. С. 287].

мученного моря» (то самое, о котором Щербинин спрашивал министра) в двух экземплярах: один полагался адресату, а второй Писемский мечтал «поднести государю императору» [13. С. 164]. Интересна мотивировка такого подношения: Писемский утверждал, что император, узнав из его романа, насколько «ничтожно, не народно и даже смешно» революционное движение в России, немедленно проникнется «милосердием к несчастным, которые во всех своих действиях скорей говорили фразы, чем делали какое-нибудь дело» [13. С. 164–165]. Таким образом, писатель хотел, чтобы «нигилисты» (включая, возможно, недавно осужденного Н.Г. Чернышевского) были помилованы на основании его собственного сатирического их изображения.

Писемский претендовал на положение своеобразного придворного романиста, осведомляющего царя о событиях в империи и способного прямо повлиять на принятие важнейших политических решений. Впрочем, неизвестно, был ли роман поднесен императору: в библиотеке Государственного Эрмитажа издание отсутствует. Даже через два года, в 1865 г., Писемский обращался к Валуеву с просьбами о протекции по службе: министр, по мнению писателя, мог назначить его советником Московского губернского правления или цензором (см. письма от 12 и 14 октября 1865 г.: [13. С. 186–187]). Не надеясь на литературные успехи, разочарованный Писемский хотел поправить свое материальное положение. В его глазах, писательское и цензорское ремесло были достаточно тесно связаны, что высоко оценивший его роман министр мог как бы перевести его из литературы в цензуру. Разумеется, Валуев эту просьбу не выполнил.

Казалось бы, модель такого литературного покровительства была поразительно устаревшей для российского общества и литературы того периода уже в силу самого медиа. Длинные романы были прежде всего рассчитаны на публикацию в толстых литературных журналах, что предполагало взаимодействие с публикой, составляющей образованное общество, а не с вельможами и императорами, на покровительство которых могли рассчитывать журналисты начала века [24]. Писемский и выбрал для публикации журнал Каткова по вполне современным соображениям: он руководствовался политическими и эстетическими взглядами редактора, его влиянием на публику и способностью назначить внушительный гонорар. Поддерживая журнал, писатель участвовал в работе редакции и рекомендовал печататься своим друзьям-писателям, которых считал единомышленниками¹.

Писемский обращался к архаическим институтам патронажа в условиях, когда складывавшаяся система органов печати его не устраивала: литератор был готов по собственному выбору перейти под покровительство императора или главы цензурного ведомства, но не становиться в зависимость от политизированных журналистов и литературного рынка 1860-х гг. Показательно, что на гонорар от романа Писемский купил собственный дом в Москве, где безуспешно попытался жить не литературными заработками, а службой

---

¹ См., например, письма И.С. Тургеневу от 12 января и 4/16 июня 1863 г. [6. С. 176–177].

(см. выше). Автор «Взбаламученного моря», подвергнутый осуждению на страницах радикально настроенных журналов, стремился не просто иронически изобразить в своем романе, например, одного из лидеров враждебного ему направления Н.Г. Чернышевского [7]. Писемский надеялся скорректировать саму институциональную природу литературы таким образом, чтобы романист выступал прежде всего не перед «нигилистическим» литературным сообществом, а перед министром, императором и благонамеренной публикой «Русского вестника».

По всей видимости, Писемский, со своим скептическим отношением к литературному процессу, действительно нашел единомышленника в лице Валуева. Именно в начале 1860-х гг. министр внутренних дел стремился переломить ситуацию в русской прессе, опираясь на мнение некоторой части готовых его поддержать журналистов и литераторов, и активно им покровительствовал. Это осуществлялось и за счет организации официальной газеты «Северная почта», которую редактировали известные в литературных кругах А.В. Никитенко и все тот же Гончаров, и в покровительстве некоторым «правильным», на взгляд министра, изданиям – далеко не только катковским [1; 25. С. 165–171; 26]. Писатель и министр оказались согласны не только в понимании исторических событий недавнего прошлого, но и в представлениях о месте литературы в обществе и государстве: оба не были против свободы слова, однако желали при этом, чтобы государство поддерживало тех писателей, которые будут противостоять популярным «нигилистическим» тенденциям в журналистике. В этой связи поддержка со стороны Валуева была для Писемского не только средством избежать цензурных проблем, но и свидетельством того, что ему удалось заключить своеобразное негласное соглашение с властями и попытаться сформировать альтернативное поле литературы, устроенное, как думал писатель, на более справедливых основаниях. Отметим, что даже так не нравившиеся Писемскому «нигилисты», согласно его замыслу, выиграли бы от новой ситуации: напомним, что император, прочитав «Взбаламученное море», должен был отнестись к ним более милосердно.

В этом контексте становится понятнее кажущаяся абсурдной настойчивая просьба Писемского процenzуровать переиздание его романа. Очевидно, в бурной политической обстановке после покушения Каракозова писатель стремился подтвердить, что соглашение с министром все еще действует. Для этого Писемскому необходимо было получить подтверждение, что его рискованный роман все еще одобряется цензурой. К тому же писатель опасался запрета публикации и постановки своей новой трагедии «Поручик Гладков» (см. его письмо П.В. Анненкову от 30 ноября 1866 г. и А.А. Краевскому от 27 января 1867 г. [13. С. 212–213]). Пока Писемский хлопотал насчет своей пьесы, он, вероятно, обсуждал и издание своих Сочинений, включая «Взбаламученное море»: никаких его писем в цензурных архивах не обнаружено, а в конце января 1867 г. он вернулся в Москву из Петербурга (см. письмо Б.Н. Алмазову от 1 февраля 1867 г. [13. С. 213]). К 4 января 1867 г. цензор П.Г. Сватковский докладывал комитету:

Задача, решаемая этим романом, была, по словам автора, собрать всю ложь, которая высказывалась на различных степенях русской общественной и государственной жизни во время выхода крестьян из крепостной зависимости.

В начале романа автор представляет ложь в веселых благодетелях, в благодетелии старой злой девы-помещицы, в прежнем офицерском блеске, в прежнем корпусном воспитании, в университетской молодежи, с ее эстетическим направлением, в страстности девушки с пансионским воспитанием, в помещичьем быте, в самой администрации, в бюрократии, суде, полиции, в положении богатых монополистов. Потом в новой эпохе с ее новыми учреждениями, в дворянах этого времени, гласности, обличителях, коммерческих предприятиях, воспитании с социалистическим направлением, материализме; вообще служении новой идеи (так!), нигилизме агитаторов и пр.

Так как роман этот был напечатан первой раз тотчас вслед за отменой крепостного права и в то время произвел на общество скорее хорошее влияние своим осмеиванием сумасбродства нигилистов и злоупотреблений отживших общественных порядков, то цензор полагал бы, с своей стороны, возможным дозволить напечатанием этого романа вторым изданием без всяких перемен, несмотря на неуместную резкость и цинизм рассказа во многих местах романа. Таковая резкость и вольность речи составляют как бы характеристическую черту этого замечательного литературного произведения и самого времени, в которое явилось первое издание [и которому этот роман служит литературным памятником].

Но имея в виду, что сам автор, несмотря на 30-тилистовый объем романа, не желает принять на себя ответственность второго издания своего сочинения и усиленно навязывает его предварительной цензуре, а также и то, что в романе отзывается развитие именно тех уродливых явлений общественной жизни, которые привели в своем движении к недавним весьма грустным событиям, то цензор считает долгом представить на благоусмотрение Комитета разрешение напечатать [без перемен] второе издание романа «Взбаламученное море» [27. Л. 1–2]¹.

Просьбу Писемского цензурный комитет не удовлетворил, а разбираться в тонкостях его позиции не стал, решив дело на формальных основаниях. Согласно новым правилам цензуры, введенным в 1865 г. (т.е. собственно той самой карательной цензуре, которой Писемский ожидал в начале 1860-х гг.), издание Писемского от рассмотрения освобождалось, так что комитет отказался принимать какие бы то ни было решения: «Книга включает в себе свыше десяти печатных листов и потому, по приказанию г. председателя комитета, выдана издателю для печатания оной без предварительной цензуры» [27. Л. 1].

Ясна и реакция цензоров на его предложение: ни сам роман, ни возможный «союз» с литераторами уже не казались актуальными Валуеву и его подчиненным. Хрупкая система соглашений и союзов, которые пытались установить между собою некоторые писатели, журналисты и цензоры, разрушалась. К середине 1860-х гг. Писемский разошелся с Катковым и в «Русском вестнике» больше не печатался. В качестве причины он приводил как раз некорректное понимание Катковым характера их сотрудничества: «...видимо было, что они привыкли к какому-то холопскому и по-

---

¹ Доклад цитировался также в статье [28].

добострастному отношению своих сотрудников и что им более нужен редактор, чем соредактор...» (см. письмо И.С. Тургеневу от 8 мая 1866 г.: [13. С. 203]). Очевидно, Писемский готов был считать своими покровителями не журналистов, а разве что министров и императора, и в этом смысле Катков оказался для него не лучше радикальных демократов из «Искры». Если в 1863 г. Валуев готов был поддерживать катковские издания и облегчать для них цензуру, то к 1867 г. министр мечтал об их закрытии (воплотить в жизнь эти мечты ему мешала прямо выраженная воля Александра II, высоко ценившего сохранявшего независимость от властей редактора «Московских ведомостей» и «Русского вестника») [29. С. 153–185; 30. Р. 150–166]. Разумеется, руководитель цензурного ведомства Российской империи просто по должности был обязан активно вмешиваться в работу прессы и искать среди журналистов сторонников, однако в целом Валуев, видимо, уже не верил в эффективность этих мер. Через год после отказа цензуры рассматривать Сочинения Писемского министр внутренних дел лишится своего поста: фигура бывшего «либерального бюрократа» в качестве главы цензуры и полиции в новую эпоху будет уже неуместна.

Именно представление о неактуальности романа Писемского и предлагаемой им репрезентации российского общества заметно в отзыве Сватковского. Цензор стремился продемонстрировать своим коллегам, что «Взбаламученное море» в целом безвредно, но прежде всего потому, что осталось в прошлом. «Цинизм» романа, действительно содержащего для того времени очень откровенные сцены и представлявшего большинство важных действующих лиц не в самом оптимистичном виде, был еще простителен прежде всего как знак эпохи, «памятником» которой казалось Сватковскому произведение Писемского. Напротив, нигилизм, который у Писемского представлен прежде всего как «сумасбродства», связанные со свободой сексуальной жизни, поездки в Лондон к Герцену и споры об общине и коммуне, теперь, после покушения на императора, превратился в опасное для государства «уродливое явление». Иными словами, в новую эпоху Писемский и его роман уже мало интересовали цензурное ведомство.

Таким образом, соглашение Писемского и Валуева было основано на общей неприязни к тому, каким образом развивалась публичная сфера в России 1860-х гг. Ни относительно либеральный министр, ни далекий от сервильности писатель в принципе не собирались ограничить стремительный рост количества и влияния газет и журналов. Скорее, Писемскому казалось, что растущее влияние «нигилистов» на прессу не выражает интересы общества, а, напротив, вредит ему. Валуев, соответственно, ожидал, что хотя бы часть прессы будет стоять «на стороне правительства» [24. Т. 2. С. 36], и был готов поддержать такую прессу. Естественным образом союз министра и литератора, выступавших против «нигилистов», был обречен на провал. Роман «Взбаламученное море» был подвергнут резкой критике, Писемский разорвал отношения с Катковым, а правительство быстро перешло от «положительного» влияния на журналы к жестким цензурным репрессиям. Тем не менее случай «Взбаламученного моря», как кажется,

очень характерен для эпохи, когда крупный писатель и руководитель цензурного ведомства могли еще пытаться установить взаимовыгодный контакт. В то же время очевидна архаичность позиции Писемского, в которой объединились претензии на создание реалистического романа, дающего «зеркало» истории и общества, и на место своего рода придворного поэта, дающего царям советы по управлению государством. Писемский хотел не просто создать «политический роман», а прямо повлиять на общественную и политическую жизнь в стране, поспособствовав даже прощению императором «нигилистов», к которым он имел личные счеты. Валуев пытался не просто запретить неудобные ему произведения, а способствовать публикации писателей, интересы которых, как ему казалось, совпадали с правительственными. Однако планы обоих оказались обречены на провал: конечно, в условиях Российской империи 1860-х гг., с ее стремительной поляризацией государства и образованного общества, подобная кооперация едва ли могла привести к успеху.

Литература

1. Патрушева Н.Г. Теория «нравственного влияния» на общественное мнение в правительственной политике в отношении печати в 1860-е гг. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века : сб. науч. тр. Вып. 7. СПб., 1994. С. 112–125.
2. Дарнтон Р. Цензоры за работой: Как государство формирует литературу / пер. с англ. М. Солнцевой. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 384 с.
3. Валуев С.М. Писемский-журналист (1850–1860-е годы). СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. 169 с.
4. Рошаль А.А. Писемский и революционная демократия. Баку : Азербайджанское государственное издательство, 1971. 128 с.
5. Мысляков В.А. Писемский в истории литературных дуэлей // Русская литература. 2012. № 2. С. 115–142.
6. Письма А.Ф. Писемского (1855–1879) И.С. Тургеневу / предисл. и публ. И. Мийе; пер. с фр. предисл. И. Мийе – М.И. Беляевой; ст. К.И. Тюнькина; коммент. И. Мийе, Л.С. Журавлевой // Литературное наследство. Т. 73, кн. 2. М. : Наука, 1964. С. 125–194.
7. Рошаль А.А. К типологии антинигилистического романа (образы вождей революционной демократии в романе А.Ф. Писемского «Взбаламученное море» // Ученые записки Азербайджанского педагогического института языков им. М.Ф. Ахундова. Серия XII. Язык и литература. 1971. № 1. С. 105–115.
8. Трофимова Т.А. «Положительное начало» в русской литературе XIX века («Русский вестник» М. Н. Каткова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 20 с.
9. Капнист П.И. Сочинения : в 2 т. М., 1901.
10. Писемский А.Ф. Сочинения : в 4 т. СПб., 1867.
11. Северная пчела. 1855. 13 авг. № 176.
12. Русская старина. 1891. № 5.
13. Писемский А.Ф. Письма. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 925 с.
14. ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 488–495.
15. РГИА. Ф. 908. Оп. 1. № 676.
16. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1730 по 1862 год. СПб., 1862. 482 с.
17. Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М. : Правда, 1986. 508 с.
18. Евгенийев-Максимов Е.В. В цензурных тисках: (Из истории цензурных гонений на поэзию Некрасова) // Книга и Революция. 1921. № 2 (14). С. 36–46.

19. Рейсер С.А. Некоторые проблемы изучения романа «Что делать?» // Чернышевский Н.Г. Что делать?: Из рассказов о новых людях. Л., 1975. С. 782–833.
20. Рейфман П.С. «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России // Труды по русской и славянской филологии. XXIV. Литературоведение. Тарту, 1975. С. 9–13.
21. Перевалова Е.В. Переписка М.Н. Каткова и П.А. Валуева в 1863–1864 гг. (по материалам НИОР РГБ) // Румянцевские чтения-2015 = The Rumyantsev readings-2015: материалы международной научной конференции, 14–15 апреля 2015. Ч. 2. М., 2015. С. 25–30.
22. Перевалова Е.В. «Московские ведомости» М.Н. Каткова в 1863–1864 гг. – политический официоз или орган независимого общественного мнения? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 4 (36). С. 163–179.
23. Todd W.M.III. Periodicals in literary life of the early nineteenth century // Literary journals in Imperial Russia / ed. by D.A. Martinsen. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1997. P. 37–63.
24. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел : в 2 т. М. : Наука, 1961.
25. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX века : учеб. пособие. СПб. : СПбГУ, Факультет журналистики, 2000. 219 с.
26. Гуськов С.Н. И.А. Гончаров, П.А. Валуев и кампания всеподданнейших писем 1863 года // Русская литература. 2019. № 4. С. 72–80.
27. РГИА. Ф. 777. Оп. 2. 1867. № 7.
28. Листратова А.В. О литературно-общественной позиции А.Ф. Писемского 60-х годов // Ученые записки Ивановского государственного педагогического института им. Д.А. Фурманова. Т. 38: Русская литература. Методика литературы. Иваново, 1967. С. 35–56.
29. Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века. Л. : Наука, 1989. 205 с.
30. Ruud Ch.A. Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804–1906. Toronto : University of Toronto Press, 2009. 327 p.

Minister Pyotr Valuev Patronizes Aleksey Pisemsky: Censorship, Journalism, and a “Political Novel” in the Russian Empire of the 1860s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 175–190. DOI: 10.17223/19986645/73/10

Kirill Yu. Zubkov, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation), Institute of Russian Literature (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: k_zubkov@inbox.ru

Keywords: Aleksey Pisemsky, Pyotr Valuev, Mikhail Katkov, censorship, *Russkiy Vestnik*, thick journal, history of novel, literary institutions, patronage.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00410.

The article discusses a case in the history of complicated relations between Russian literature and censorship. I argue that in the 1860s at least one prominent writer unsuccessfully attempted to establish the relations of mutually profitable cooperation with political power, namely with the Ministry of Internal Affairs. Aleksey Pisemsky and the censorship department unsuccessfully tried to organize their relations according to the archaic model of literary patronage. The research is based on both archival and published sources. From Pisemsky's point of view, patronage could become a viable alternative to increasingly radical views of the majority of influential critics and editorial officers. In 1862 his own satirical feuilletons depicting widespread corruption in Russian society were met with harsh criticism that soon transformed into a public scandal and nearly resulted in a duel. Dissatisfied with the modern public sphere centered around mostly radical periodicals, Pisemsky tried to find an alternative

institution that would allow literature to free itself from the control of the “nihilistic” editorial officers and reduce the degree of confrontation with the government. In his novel *The Troubled Seas* (1863), Pisemsky developed the views of the high-ranked liberal bureaucrat Pyotr Valuev on the era of the “great reforms” expressed in his unpublished but widely known paper “The Thought of a Russian”. At the same time, Pisemsky attempted to both influence even the emperor himself and help the “nihilists” to avoid criminal punishment: his novel was supposed to let Alexander II understand that there was no real threat of revolution in Russia, so the people charged could be forgiven. When the novel was ready for publication, Valuev, then the minister of internal affairs, became the head of censorship and agreed to support Pisemsky. Valuev ordered the censors to violate the official rules regarding periodicals and allow the publication with no changes. The minister attempted to support and control loyal journalism, including the influential nationalistic journal *Russkiy Vestnik*, in which the novel was published. Probably, Valuev also praised the negative portrayal of both radical “nihilists” and blind conservatism in the novel. Pisemsky’s attempts eventually failed: by the end of the 1860s, Valuev, who already knew about real revolutionary activities, did not trust Russian writers anymore and hated his former ally Mikhail Katkov, while Pisemsky refused to submit to any editors, including Katkov. The institution of patronage was too archaic for Russian literature of the 1860s, which doomed the cooperation between Pisemsky and Valuev from its very beginning.

References

1. Patrusheva, N.G. (1994) Teoriya “nравstvennogo vliyaniya” na obshchestvennoe mnenie v pravitel’svennoy politike v otnoshenii pechati v 1860-e gg. [The Theory of “Moral Influence” on Public Opinion in Government Press Policy in the 1860s]. In: *Knizhnoe delo v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Book business in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Vol. 7. St. Petersburg: State Library of Russia. pp. 112–125.
2. Darnton, R. (2017) *Tsenzory za rabotoy: Kak gosudarstvo formiruet literaturu* [Censors at Work: How States Shaped Literature]. Translated from English by M. Solntseva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Baluev, S.M. (2003) *Pisemskiy-zhurnalyst (1850–1860-e gody)* [Pisemsky as a journalist (1850s–1860s)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
4. Roshal’, A.A. (1971) *Pisemskiy i revolyutsionnaya demokratiya* [Pisemsky and revolutionary democracy]. Baku: Azerbaydzhanskoe gosudarstvennoe izdatel’stvo.
5. Myslyakov, V.A. (2012) Pisemskiy v istorii literaturnykh dueley [Pisemsky in the history of literary duels]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 115–142.
6. Pisemskiy, A.F. (1964) Pis’mo A.F. Pisemskogo (1855–1879) I.S. Turgenevu [Letters from A.F. Pisemsky (1855–1879) to I.S. Turgenev]. Translated from French by I. Miye. In: Dubovikov, A.N. & Zil’bershteyn, I.S. (eds) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 73. Book 2. Moscow: Nauka. pp. 125–194.
7. Roshal’, A.A. (1971) K tipologii antinigilisticheskogo romana (obrazy vzhdey revolyutsionnoy demokratiy v romane A.F. Pisemskogo “Vzbalamuchennoe more”) [On the typology of the anti-nihilistic novel (the images of the leaders of revolutionary democracy in A.F. Pisemsky’s novel “The Turbulent Sea”)]. *Uchenye zapiski Azerbaydzhanskogo pedagogicheskogo instituta yazykov im. M.F. Akhundova. Seriya XII. Yazyk i literatura*. 1. pp. 105–115.
8. Trofimova, T.A. (2007) “Polozhitel’noe nachalo” v russkoy literature XIX veka (“*Russkiy vestnik*” M. N. Katkova) [A “positive principle” in Russian literature of the 19th century (*Russkiy Vestnik* of M.N. Katkov)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
9. Kapnist, P.I. (1901) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Moscow: [s.n.].
10. Pisemskiy, A.F. (1867) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 volumes]. St. Petersburg: F. Stellovskiy.
11. *Severnaya pchela*. (1855) 13 August. 176.
12. *Russkaya starina*. (1891) 5.

13. Pisemskiy, A.F. (1936) *Pis'ma* [Letters]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
14. Central Historical Archive of Moscow (TsIAM). Fund 31. List 5. No. 488–495.
15. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 908. List 1. No. 676.
16. Anon. (1862) *Sbornik postanovleniy i rasporyazheniy po tsenzure s 1730 po 1862 god* [Collection of decisions and orders on censorship from 1730 till 1862]. St. Petersburg: v Tip. Morskogo ministerstva.
17. Panaeva (Golovacheva), A.Ya. (1986) *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Pravda.
18. Evgen'ev-Maksimov, E.V. (1921) V tsenzurnykh tiskakh: (Iz istorii tsenzurnykh gonimiy na poeziyu Nekrasova) [In the censorship grip: (From the history of censorship persecution of Nekrasov's poetry)]. *Kniga i Revolyutsiya*. 2 (14). pp. 36–46.
19. Reyser, S.A. (1975) Nekotorye problemy izucheniya romana "Chto delat'?" [Some problems of studying the novel What Is to Be Done?]. In: Chernyshevskiy, N.G. *Chto delat'?: Iz rasskazov o novykh lyudyakh* [What Is to Be Done?]. Leningrad: Nauka. pp. 782–833.
20. Reyfman, P.S. (1975) "Moskovskie vedomosti" 1860-kh godov i pravitel'stvennye krugi Rossii [Moskovskiy Vedomosti of the 1860s and Russian government circles]. *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii*. XXIV. pp. 9–13.
21. Perevalova, E.V. (2015) [Correspondence between M.N. Katkov and P.A. Valuev in 1863–1864. (based on R&D materials of the RSL)]. *Rumyantsevskie chteniya–2015 = The Rumyantsev Readings–2015*. Proceedings of the International Conference. Pt. 2. Moscow: Pashkov dom. pp. 25–30. (In Russian).
22. Perevalova, E.V. (2015) Moskovskiy Vedomosti of M.N. Katkov in 1863–1864: a political semiofficial organ or a body of independent public opinion? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (36). pp. 163–179. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/36/13
23. Todd, W.M. III. (1997) Periodicals in literary life of the early nineteenth century. In: Martinsen, D.A. (ed.) *Literary journals in Imperial Russia*. Cambridge; New York: Cambridge University Press. pp. 37–63.
24. Valuev, P.A. (1961) *Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del: v 2 t.* [Diary of P.A. Valuev, Minister of Internal Affairs: in 2 volumes]. Moscow: Nauka.
25. Zhirkov, G.V. (2000) *Istoriya tsenzury v Rossii XIX veka: ucheb. posobie* [History of censorship in Russia in the 19th century: textbook]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Faculty of Journalism.
26. Gus'kov, S.N. (2019) I.A. Goncharov, P.A. Valuev and the most loyal letters campaign of 1863. *Russkaya literature – Russian Literature*. 4. pp. 72–80. (In Russian). DOI 10.31860/0131-6095-2019-4-72-80
27. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 777. List 2. 1867. No. 7.
28. Listratova, A.V. (1967) O literaturno-obshchestvennoy pozitsii A.F. Pisemskogo 60-kh godov [On the literary and social position of A.F. Pisemsky in the '60s]. *Uchenye zapiski Ivanovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. D.A. Furmanova*. 38, pp. 35–56.
29. Chernukha, V.G. (1989) *Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii pechati. 60–70-e gody XIX veka* [Government Printing Policy. 1860s–1870s]. Leningrad: Nauka.
30. Ruud, Ch.A. (2009) *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804–1906*. Toronto: University of Toronto Press.